

ПАМЯТИ ГЕРОЯ

Я так много хочу о нём сказать, что даже не рискну начинать сегодня. Только одно вспомню.

У него всё время играла музыка в машине, непрерывно. Он постоянно цитировал какие-то строчки из песен на память, удивляясь, как сказано, как сформулировано. У него было поэтическое мироощущение.

Самые любимые песни у него были – конечно же, песни Великой Отечественной и о Великой Отечественной.

Он весь в них растворялся, он был совершенно оттуда, из этих песен.

И, удивительно, я как-то спросил у него о любимых фильмах – и он назвал несколько чёрно-белых советских кинолент.

Про Нахимова, про Кутузова. Фильмы, которые вышли в те ещё времена, в очень давние.

Понимаете, у нас с ним был год разницы – мы практически ровесники, – но я никогда, за три года работы с ним, никогда не слышал, что он даже упоминал имена каких-то исполнителей или кинозвёзд эпохи нашей юности и молодости.

Никого и никогда. Это будто бы казалось ему лишним, суетным, наносным, неважным.

У меня было твёрдое и совершенно спокойное ощущение, что вырос он не в 80-е и 90-е – а в сороковые, в пятидесятые.

Он был совершенно из того времени и из того материала – он был совершенно своим среди людей, победивших в самой страшной мировой войне и отстроивших страну заново.

У меня всегда было ощущение, что он старше меня на тридцать или сорок лет, или на несколько жизней. У всех было такое ощущение.

Он был один из самых лучших мужиков на земле из числа известных мне. Может быть, самым лучшим.

Когда произносишь самые важные понятия, характеризующие настоящего мужчину, сразу осознаешь, что это его личностные характеристики.

Мужество — он. Честь — он. Ум, интуиция, прозорливость — он. Юмор и задор — он. Ярость и бесстрашие — он. Широта души и щедрость — он. Искренность — он. Гостеприимство — он. Неутомимость и огромный запас физических и душевных сил.

Верность слову. Если он давал слово даже врагам не мстить — он не мстил никогда.

Он был слишком хороший для политика. Он был слишком смелый для солдата.

Поэтому его убили.

Непосредственные исполнители и разработчики убийства: офицеры СБУ.

Такое резонансное действие должны были неизбежно согласовать с Порошенко: издержки теракта могли оказаться слишком велики. Так что Порошенко знал.

Однако, рискну сказать вслух, имел место и посторонний импульс, быть может, даже заказ.

В ДНР за годы войны начали строить социализм: при всём том, что Захарченко социалистом не был. Просто для кризисных ситуаций никакая другая форма экономических отношений, как выяснилось, не подходит.

Поэтому: национализация и плановая экономика.

Сложно сказать, кто не любил Захарченко больше: украинские политики, неонацистское быдло, украинские военачальники или олигархат — украинский, и российский тоже.

С Донбасса погнали весь “крупный капитал” — никаких финансовых игроков там не осталось: им не было места.

Они пытались зайти сначала при помощи украинского оружия, а затем вдруг объявились в Москве и стали пытаться зайти оттуда, легально: вернуть себе свои заводы, фабрики и гостиницы.

У Захарченко в Москве была кличка “Упёртый”. Он никого не пускал. Говорил: ополченцы отвоюют, им надо возвращаться на работу — и они вернуться на предприятия, которые принадлежат республике, а не чёрт знает кому.

Через считанные дни, если не часы, после его убийства в Донецке начался передел собственности и начали открываться офисы тех, кого он при жизни так и не пустил на Донбасс.

По ряду предприятий, которые были официально переведены в госсобственность, тут же возбудили уголовные дела по факту “Хищения”.

Капитализм победил. Это наводит на некоторые мысли, правда? Они были слишком готовы к его смерти.

Взгляды мои: лево-консервативные, и я иной раз спорю со своими “правыми” коллегами, пытаюсь объяснить им банальные вещи. Например, такие: капиталисты могут позволить вам ходить хоть с трезубцем, хоть с иконой Николая II, хоть с Перуном. Им всё равно. Всё, что их интересует — вопрос собственности.

На Донбассе имела место попытка построить народную республику — да, получилось далеко не всё, да, много шло наперекосяк, — но, уверяю, направленность была явной и очевидной.

Теперь там этого нет. И не будет.

Чем же сердце успокоить?

Донбасс всё равно не сдадут.

И по той причине, что жители Донбасса сделали свой выбор.

И по той причине, что России нужен плацдарм, чтоб не потерять всю Украину разом.

И по той причине, что капиталисты тоже не делятся своим с кем попало. Хотя вывеска им, в сущности, не важна: Украина, Россия, Новороссия — без разницы. Но в данном случае вывеска “Украина” не предусмотрена.

Разочарован ли я итогами Русской весны?

Кому какое дело до того, что я чувствую.

В любом случае: земля священна и священо русское слово.

Жители Донбасса говорят на русском языке и живут на русской земле.

Это — результат. Это лишь часть результата, какого мы хотели, но будем довольствоваться тем, что есть.

Революция завершилась.

Единственно что: та радость, которая обуяла компрадорскую, быдловатую и неонацистскую часть Украины в связи с убийством Захарченко — глупа.

Убивая, они думают, что приближают возвращение Донбасса.

Отлично зная, что на Донбассе действительно имеет место Гражданская война, они убедили себя, что никакой Гражданской войны нет, а есть ряд лидеров, которых надо убить – и тогда Донбасс сам упадёт в руки.

Они все выводят народ из уравнения – народ, как субъект истории, в их сознании отсутствует.

Они могли видеть море людей на похоронах Гиви и Моторолы. И они видели. И в день похорон Гиви, и в день похорон Моторолы в украинских СМИ и в украинских соцсетях был наложен полный запрет на показ событий из центра Донецка.

Потому что вид десятков тысяч людей, стоящих в многокилометровых очередях, чтоб проститься со своими героями, ломал все эти схемы.

Но что им делать ещё – этим властям, этим силовикам, этим спецслужбам, этим олигархам, мечтающим вернуться в Донецк, – они больше никак не могут повлиять на Донбасс.

Если проводить на Донбассе любые выборы и любой референдум, Донбасс вновь проголосует за отделение.

Если идти войной – они проиграют эту войну.

Они могут только убивать. Это по большому счёту всё, что умеет молодая украинская демократия.

Пилить и воровать, калечить и убивать, и потом чудовищным образом врать по всем этим поводам.

Торговать своим суверенитетом направо и налево, и потом снова пилить и воровать, калечить и убивать и врать, врать, врать.

Прощаться с Александром Захарченко пришли более двухсот тысяч человек. Три четверти людей просто не успели попрощаться – потому что если бы прощание продлили, оно шло бы сутки, двое, трое, неделю. Никто не взял на себя ответственность за это из властей республики.

Море людей, невиданное количество цветов – и крик людей: “Спасибо” – когда выносят гроб и когда гроб опускают в землю. И слёзы.

Нынешняя, сворованная у нормальных украинцев, Украина международного жулья и неонацистских дегенератов, потеряла Донбасс, когда убивала тысячи гражданских и тысячи ополченцев Донбасса. Украина потеряла Донбасс, когда убила сотни донецких детей. Украина потеряла Донбасс, когда в спину убивала легендарных донецких командиров, которых так и не смогла победить в бою.

Украина потеряла Донбасс, когда убила Захарченко.

Они ликовали, ожидая, что теперь Донбасс упадёт им в руки, теперь его вернут.

Никто вам ничего не вернёт, утритесь.

И ещё два слова о Захарченко.

Он был единственным из ныне живущих руководителей государства, который реально воевал. Все знают про два его ранения – но у него их был добрый десяток. И не только на этой войне. Об этом, наверное, уже можно сказать – раньше это было нельзя. Это была не первая его война.

А ещё он прекрасно улыбался.

Есть такой сорт роз – улыбка Гагарина.

Донецк – город роз. Должны быть розы – улыбка Захарченко.

Захар ПРИЛЕПИН